

Глава 38. Старый друг с северо-востока

Еян Цы и Цинь Шэнь оказались в плотном кольце. Поднятая копытами пыль и обломки соломы смешались в сероватую дымку, окутавшую их. С высоты птичьего полёта казалось, будто серая приливная волна, закручиваясь, образовала в центре пустоту, в которой, подобно двум столпам, умиряющим море, непоколебимо застыли две фигуры — одна в красном, другая в чёрном.

Ди Хуадан, выехав вперёд, обратилась к Цинь Шэню:

— На этот раз не только враги встретились на узкой тропе, но и силы наши неравны. Похоже, пришло время расквитаться за прошлый раз.

Князь Гаотан, однако, сохранял спокойствие. Он опустил лук в знак уважения:

— Давно не виделись, предводительница Ди. Я не удивлён нашей встрече здесь, но повторяюсь: я не питаю вражды к моистам и прошу о переговорах.

Женщина холодно усмехнулась:

— Не питаешь вражды? Вы убили двух моих лучших воинов и несколько сотен братьев!

— Братьев? — внезапно вмешался Еян Цы. — До меня дошли слухи, что когда братья Жуань присягали вам в Дэнчжоу, то, узнав, что вы женщина, тут же взбунтовались. И лишь после того, как вы их одолели, они неохотно подчинились. Даже примкнув к вашим разбойникам-сянма, они не раз пытались захватить власть со своими шахтёрами. Таких людей, лишённых чести и преданности, готовых в любой момент укусить кормящую руку, вы зовёте «братьями»?

Ди Хуадан смерила его взглядом с ног до головы, задержавшись на ногах, скрещённых в позе лотоса. Чёрно-белый конь из западных земель был и вправду великолепен, а его спина — широка. Но сидеть вот так, скрестив ноги посреди вражеского окружения, небрежно положив руки на колени... что это — безрассудство или полное безразличие? А может, он просто полагается на стоящего за его спиной мастера?

Но слова юноши были точны и остры.

— А ты ещё кто такой? — с дикой ноткой в голосе спросила она.

— Ваш покорный слуга, уездный судья Сяцзиня, Еян Цы, — мягко ответил тот. — Родитель и заступник этого города, на который напали братья Жуань со своим отрядом. Если предводительница Ди пришла сюда, чтобы потребовать ответа за их смерть, то я могу сказать лишь одно: они сами навлекли на себя беду.

Ди Хуадан впиалась в него суровым взглядом:

— Ты оскорбляешь и провоцируешь меня?

— Нет, я лишь говорю о справедливости, — ответил судья. — Когда я только прибыл сюда, Сяцзинь был краем заброшенных полей и блуждающих огней, где народ едва сводил концы с концами. Никто не обращал на него внимания, никому он не был нужен. Я же вместе с жителями города распахивал целину, трудился в поте лица, и теперь, когда мы наконец собрали урожай, который позволит людям досыта наесться, они пришли грабить. Скажите, предводительница Ди, это и есть «грабить богатых, чтобы помочь бедным» и «вершить правосудие от имени Небес»? Или, может, это соответствует учению моистов о «всеобщей любви и взаимной выгоде»?

Женщина словно подавилась, и суровость в её взгляде померкла. Будь на его месте любой другой чиновник, достаточно было бы расспросить народ да проверить его закрома, чтобы понять, кто он таков, а затем — взмах меча, и в девяти случаях из десяти не ошибёшься. Но о честности уездного судьи Сяцзиня она была наслышана. Этот человек действительно любил народ, был настоящим честным чиновником и, что редкость, дельным управленцем. Противостоять ему под знаменем «кодекса чести разбойников» означало заведомо оказаться в проигрышном положении. Если только не отбросить учение моистов и не стать обыкновенной преступницей, правоты ей не видать.

Ди Хуадан глубоко вздохнула:

— Но я понесла потери. Те шахтёры пришли ко мне, потому что им нечего было есть. Видя, как их товарищи гибнут, я должна дать им хоть какой-то ответ, иначе люди охладят ко мне.

Еян Цы возразил:

— Предводительница Ди хочет успокоить своих людей зерном из амбаров моего уезда? А какой ответ я тогда дам жителям Сяцзиня? Все жизни равны, разве можно делить разбойников, шахтёров и крестьян на высших и низших? Хорошо, давайте поступим по законам преступного мира: кто сильнее, тот и прав. Братья Жуань оказались слабее нас, поэтому и погибли. Всё просто.

— Если вы хотите мстить и грабить, можете направить свой гнев на меня, но впредь не смейте называть себя армией справедливости. И во всём Шаньдуне ни один человек больше не поверит в вашу «справедливость». Когда власти объявят на вас охоту, а народ перестанет вас укрывать, долго ли ещё просуществоует банда «Кровавого Колокольчика»?

На этот раз не только предводительница, но и окружавшие её разбойники смущённо переглянулись.

Казалось, у них осталось только два пути: сражаться или уходить. Сражаться — значило

одержат нечестную победу, захватить зерно и серебро целого уезда, но при этом окончательно погубить свою репутацию. Уйти — значило потерять лицо и стать посмешищем для всего преступного мира.

Положение было безвыходным. «Уж лучше бы я, собрав остатки отряда, сразу отправилась в Ляочэн с докладом», — с досадой подумала Ди Хуадан.

Юй Хунь, видя её затруднение, гневно крикнула:

— Ишь, какой говорун! Только и умеешь, что языком чесать! А ну, выходи со мной на поединок! Победишь — мы уйдём. Проиграешь — отвесишь восемнадцать земных поклонов нашим павшим братьям! Подумать только, чиновник будет кланяться нам, простолюдинам! Наши предки в могилах возрадуются, а в следующей жизни мы точно родимся в богатых семьях! Ну что, выходи! Осмелишься сразиться со мной один на один?

Еян Цы, глядя на эту разъярённую девушку, усмехнулся:

— Разве дракой и поклонами можно решить проблему голода? Давайте так: я предложу вам новый путь, а вы посмотрите, подходит ли он.

Он указал на простирившиеся неподалёку поля, усеянные стернёй после жатвы:

— В моём уезде Сяцзинь земля плодородна, а людей мало. Пустующих полей — бесчисленное множество. Приходите, селитесь и возделывайте землю. Я обеспечу вас семенами, дам в долг орудия труда, бесплатно предоставлю воду для орошения и научу, как правильно работать на земле. Осенью, когда соберёте урожай, с каждого му казённой земли заплатите пять шэнов налога, а с частной — всего три. Остальное — ваше. Как вам такое предложение?

Юй Хунь застыла в изумлении. Разбойники тоже опешили.

— Приходите, возделывайте землю. Это хорошее дело, — с улыбкой продолжал судья. — Есть хлеб, выращенный своими руками, куда спокойнее, чем добытый грабежом. Кроме пшеницы, можно сажать тутовые деревья, абрикосы, хлопок, рапс, шпинат и горчицу. Когда люди будут сыты, излишки зерна и овощей можно пустить на корм курам, уткам, свиньям и овцам — вот вам и мясо. Вы ведь живёте на острие ножа только ради того, чтобы быть сытыми и одетыми? А у меня вы сможете осесть, завести семью, заработать денег, и будет у вас жена, дети и тёплый очаг. Что может быть лучше?

Это... звучало соблазнительно, как описание райского уголка. Взгляд Ин Хуайшаня затуманился, но он тут же опомнился и посмотрел на Ди Хуадан.

На лице предводительницы не было гнева, но взгляд её был острым. Она отчётливо произнесла:

— Картина, которую ты рисуешь, прекрасна, но она основана на том, что ты — уездный судья Сяцзиня, и будешь им всегда. Если тебя переведут или снимут с должности, а на твоё место придёт какой-нибудь взяточник, всё снова вернётся к нищете и запустению.

— Мы прошли через множество округов и префектур Шаньдуна и видели куда больше страданий, чем благополучия. Надеяться на одного честного чиновника — всё равно что букашке уповать на несколько зелёных листьев, уцелевших в мёртвом лесу. Если только ты не станешь императором и не дашь всему народу Поднебесной мир и покой. Ты можешь?

— Не можешь. Так не вымачивай копыта наших коней и лезвия наших клинков в сиюминутном сахарном сиропе. Я боюсь, что они размякнут, и когда придёт время снова сражаться за жизнь, у нас не хватит сил подняться на ноги!

Эти слова развеяли туманную иллюзию рая. Юй Хунь первой издала протяжный клич:

— Собираемся, братва!

Разбойники подхватили, вскидывая клинки:

— Приметим место!

— Жирных баранов берём, тощих отпускаем!

— Коли жарко станет, сматываемся и начинаем сначала!

Под звуки грубой разбойничьей песни Ди Хуадан щёлкнула кнутом и громко скомандовала:

— Уходим!

Еян Цы с сожалением вздохнул.

Цинь Шэнь наклонился и прошептал ему на ухо:

— Я хотел схватить предводительницу и заставить её признаться, что мой второй брат содержит разбойников и сеет смуту в Шаньдуне. Но теперь я думаю, что переманить её на нашу сторону — тоже неплохой вариант. Возможно, это хороший шанс.

Юноша искоса взглянул на него:

— Хочешь её задержать? Как — силой или хитростью?

— Неважно как, главное — задержать. — Цинь Шэнь похлопал его по боку. — Опустим ноги, сядь ровно, я начинаю.

— Не нужно таких резких движений. — Еян Цы откинул полу халата, прикрывавшую его ноги, и обнажил лежавший поперёк меч «Покидающий столицу императора». Он схватился за рукоять, приподнялся, и его скрещённые ноги тут же выпрямились. Судья опёрся одной ногой о седло, а другой оттолкнулся от бедра Цинь Шэня и, словно выпущенная из катапульты стрела, вместе с мечом устремился вперёд.

Разбойники, стоявшие в кольце, отступали в порядке «сначала внешние, потом внутренние». Ди Хуадан, находившаяся в центре, только успела развернуть коня, как услышала за спиной свист ветра и тут же потянулась за парными клинками.

Еян Цы, находясь в воздухе, коснулся носком её рукоятей, с силой вдавив их обратно в ножны, и тут же приземлился на круп коня позади неё.

Его движения были быстры, как ветер. Пальцы, сложенные в «печатку меча», молниеносно ударили по жизненно важным точкам на теле женщины, а истинная ци «Рассекающего облака» запечатала её меридианы.

Искусство точечных ударов было не таким чудодейственным, как в легендах, и не могло обездвижить человека на несколько часов, но оно было весьма действенным. Даже такая искусная воительница почувствовала острую боль и онемение от застоя крови.

Судья воспользовался моментом, одной рукой заломив ей запястья за спину, а другой приставив лезвие меча к её шее.

— Я ещё не проявил должного гостеприимства, — громко произнёс он. — Прошу предводительницу Ди задержаться и погостить у нас несколько дней, а потом уже отправляться в путь.

Ди Хуадан, застигнутая врасплох и обездвиженная, побагровела от ярости:

— А ты... хорош! Обманула меня твоя смазливая мордашка, недооценила я тебя!

Еян Цы усмехнулся:

— Что за грубые слова? Я искренне приглашаю вас в гости, всё готово к вашему приёму. Что же до ваших нескольких тысяч воинов, то, простите, город Сяцзинь слишком мал, чтобы вместить их всех. Пусть они лучше вернуться в свой лагерь и отдохнут, а через несколько дней приедут за вами.

— Отпусти её! — гневно крикнула Юй Хунь, и её длинный кнут со свистом рассёк воздух.

Еян Цы слегка надавил лезвием на шею пленницы, и на коже выступила капелька крови. Юй Хунь в отчаянии отдернула кнут, полная гнева и тревоги:

— Не смей её трогать!

Ин Хуайшань кружил рядом на коне, выискивая слабое место, но обнаружил, что судья держится уверенно, его рука тверда, а намерение, исходящее от меча, — холодно и остро. В его движениях не было ни единой бреши. К тому же позади них Цинь Шэнь уже натянул тетиву, целясь в них, готовый в любой момент выпустить стрелу, словно ястреб, нападающий на зайца.

Внешний круг разбойников внезапно пришёл в движение, и кто-то крикнул:

— Гарнизон Пиншань идёт!

Тут же раздались новые крики:

— Слышен грохот копыт, это Пиншань! — Уходим или сражаемся? — Не зря предводительница приказала отступить, скорее уходим!

— Гарнизон Пиншань? Как «своевременно», — с иронией заметил Еян Цы.

Ди Хуадан, однако, успокоилась и презрительно бросила:

— Гарнизон Пиншань сюда не дойдёт.

— Не дойдёт или кто-то не позволит ему дойти? — возразил юноша.

Предводительница не ответила.

На городской стене Сяцзиня Го Сысян и стражники, услышав шум, посмотрели на северо-восток и увидели приближающийся отряд конницы в одинаковых доспехах. На вид их было две-три тысячи. Не целая армия, но их строй был ровным, что выдавало выучку и железную дисциплину.

Во главе отряда развевалось знамя. Го Сысян, прищурившись, взгляделся вдаль и с трудом различил иероглиф «Дэ».

— Гарнизон Дэчжоу! — внезапно крикнул он. — Это Гарнизон Дэчжоу из Двенадцати лагерей! Быстрее, зажгите сигнальный огонь!

На стене вспыхнул сигнальный костёр, и чёрный дым взметнулся в небо.

Конница из Дэчжоу, казалось, и так направлялась к Сяцзиню. Увидев сигнальный дым, отряд резко ускорился и в мгновение ока приблизился на расстояние десяти ли.

Стражники на стене Сяцзиня разразились радостными криками:

— Гарнизон Дэчжоу! Гарнизон Дэчжоу!

Еян Цы, услышав это название, по какой-то причине просиял, и на его губах появилась улыбка.

Он улыбался, и голос его, словно омытый дождём бамбуковый лист, звенел от еле сдерживаемого удовольствия:

— Предводительница, если вы не прикажете своим верным людям уходить, то через мгновение они уже не смогут этого сделать.

Ди Хуадан стиснула зубы и посмотрела на Ин Хуайшаня и Юй Хунь:

— Уходите, найдите пока безопасное место.

— Госпожа! — в отчаянии воскликнула Юй Хунь, не желая уходить.

— Уходите скорее, — поторопила её Ди Хуадан. — Это Гарнизон Дэчжоу, они служили на границе, это не обычные местные войска!

Видя, что Ин и Юй всё ещё колеблются, Еян Цы добавил:

— В первые годы основания государства, когда северные племена вторглись, Гарнизон Дэчжоу был железной конницей, защищавшей вторую линию обороны. По сравнению с ними, не говоря уже о такой разношёрстной толпе, как ваша, даже гарнизоны Пиншань и Цзинань вместе взятые — ничто. И хотя за последние двадцать лет на границе было спокойно, и эти воины стали местными, их боевая мощь всё ещё несопоставима с вашей.

— Уходите! — снова поторопила женщина.

Юй Хунь с досадой взмахнула кнутом и, указав на судью, крикнула:

— Ты сказал, что приглашаешь её в гости, так не смей её обижать! Если с ней хоть что-то случится, клянусь, я буду преследовать тебя до конца своих дней и лично сдеру с тебя кожу!

Ин Хуайшань же свирепо взглянул на Еян Цы и перед уходом спросил:

— Госпожа, будут ещё какие-нибудь указания?

— Не позволяйте никому узнать, что «Кровавого Колокольчика» нет с вами, — ответила Ди Хуадан. — И терпеливо ждите моего возвращения.

Разбойники-сянма под предводительством двух оставшихся главарей быстро исчезли, не успев даже забрать тела своих павших.

Пленница почувствовала, что запечатанные точки на её теле начинают понемногу ослабевать, но Еян Цы, словно предвидя это, предупредил её:

— Гостеприимство — это хорошо, но и гость должен вести себя прилично. Если вы проявите благоразумие, мне не придётся снова использовать серебряные иглы, чтобы запечатать ваши точки, а это, поверьте, неприятно.

Ди Хуадан с сарказмом ответила:

— Тигр, спустившийся с гор, становится добычей собак. Что я ещё могу сделать?

Судья убрал меч, подъехал к Цинь Шэню и сказал:

— Вот, держи. Отведи её в город, найди тихое место и поговорите.

— А ты? — спросил Цинь Шэнь.

Еян Цы улыбнулся:

— Я чуть позже. Ко мне приехал старый друг с северо-востока, нужно повидаться.

<http://bllate.org/book/15875/1444273>